

№

2

Антрактъ выходитъ еженедельно. Цѣна годовому изданію за годъ (50 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 30 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 30 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Антракта при типографіи П. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Риса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Салаевыхъ, Соловьева, Черенца и Глазунова, въ магазинахъ Нерадовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С. Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Двѣ потери нашего театра, В. И. Родиславскаго.—Московскій театръ (Бенефисъ г. Садовскаго) А. Н. Плещеева.—Смѣсь («Свадьба Фигаро». Распредѣленіе ролей въ «Русланъ и Людмилъ» и «Смерти Юанна Грознаго». «Донъ Карлосъ» Верди въ Петербургѣ. Концерты Коисткаго. Изъ Казани. Г. Балакиревъ. Арнольдъ. Новая опера. Біографія Бетговева. Итальянская опера въ Гонъ-Конгѣ. Выигрышъ. Процессъ. Новый балетъ. Некрологъ).—Отъ редакціи.—Объявленія.

ДВѢ ПОТЕРИ НАШЕГО ТЕАТРА.

II.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА КОЛОСОВА *).

Да! скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользятъ искусство пламенное мима,
А образцы рѣзца и пѣсьнъ поэта
Тысячелѣтя могутъ пережить.
Да! обаянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ
И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
И вѣковъчной славы за собою—
Мгновенное созданье— не оставитъ.
Искусство мима строго, но потомство
Не для него сплететъ вѣнокъ лавровый:
За тѣмъ-то онъ скупится настоящимъ
И жадно каждымъ мгномъ дорожитъ,
Чтобъ имъ захвачь, въ сияніи и блескѣ,
Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
Себѣ поставить памятникъ при жизни,
И слить безсмертье съ именемъ своимъ:
Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благуую пользу—не умретъ во вѣки.

(Шиллеръ, Прологъ къ «Аиерио Валленштейна», пер. Мел).

23 октября прошлаго года скончалась актриса московскаго театра Александра Ивановна Колосова—и грустно отозвалось это извѣстіе между посѣтителемъ нашего театра, потому что покойная была любимицей публики, принадлежала къ числу первыхъ актрисъ теперешней московской труппы и служила однимъ изъ лучшихъ ея украшеній.

*) Статья эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, была читана на литературномъ вечерѣ въ Артистическомъ Кружкѣ.

Александра Ивановна Колосова, до замужства Григорьева, родилась въ Москвѣ 14 апрѣля 1834 г. Въ московское театральное училище она поступила въ число пансіонерокъ дирекціи 15 мая 1849 года. Еще дѣвочкой она участвовала въ балетахъ; покойная рассказывала, съ какимъ страхомъ опускалась она въ живомъ хороводѣ сальфидъ въ послѣднемъ актѣ балета *Сильфиды*, въ хороводѣ, такъ прекрасно устроенномъ бывшимъ машинистомъ московскаго театра, Пино. Драматическому искусству въ театральномъ училищѣ обучалъ тогда бывший режиссеръ московской драматической труппы С. П. Соловьевъ. Занятія его принесли много хорошихъ плодовъ; его ученицами были двѣ Гороздины, Косицкая, Медвѣдева, Соболева 2-я, Дмитриева, Воронова и др. А. И. Григорьева была также его ученицею, и при томъ одною изъ любимыхъ; по крайней мѣрѣ С. П. Соловьевъ, еще до появленія ея на сценѣ, не разъ говорилъ мнѣ объ ней, какъ о дѣвочкѣ, подающей большія сценическія надежды. Но при появленіи своемъ на сценѣ Григорьева не съ разу заняла на ней видное мѣсто и только уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлалась любимицею публики. Первая роль, исполненная ею на московской сценѣ, была въ водевилѣ Ленскаго *Минеральныя воды*, шедшемъ въ бенефисъ этого артиста, 26 октября 1849 г., т. е. ровно за 18 лѣтъ до дня ея похоронъ *). Въ маленькой роли Эрнестины молодая де-

*) Г. Москвичъ въ своихъ «запискахъ», помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1867 г., № 235, гово-

бютантка не могла выказать своего дарованія, но публика и тутъ уже замѣтила весьма выгодную для сцены, симпатичную наружность молодой воспитанницы, а одинъ тогдашній рецензентъ отнесся объ ней, какъ о дѣвушкѣ, подающей сценическія надежды. Съ тѣхъ поръ г-жа Григорьева стала появляться, хотя и очень рѣдко, и въ другихъ пѣсахъ, и мы помнимъ, что при представленіи съ Фанни Эльслеръ пѣсы Скриба *Ольга, русская сирота* (въ 1851 г.), въ которой Григорьева исполняла незначительную роль Аглаи, публика встрѣтила ее уже съ рукоплесканіями. Но вообще г-жа Григорьева, какъ я уже сказалъ, не принадлежала къ числу тѣхъ счастливицъ, которыя сразу овладѣваютъ любовью публики, которыхъ самые первые дебюты сопровождаются блестящими успѣхами. Талантъ ея выказывался какъ-то медленно, да сказать правду, и выказываться-то ему было не въ чемъ: начинающая артистка имѣла очень мало хоть сколько нибудь выдающихся ролей, которыя исполнялись въ это время другими артистками, какъ напр. Косицкой, Лавровой (Васильевой), Бороздиной, Соболевой, Дмитріевой, Михайловой, Наумовой, Сорокиной и др. 15 мая 1852 г. Григорьева была выпущена изъ училища въ драматическо-оперную труппу актрисою «на роли по способностямъ», съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ*). Воспитанницею она имѣла еще хоть сколько нибудь выдающіяся роли (какъ напр. роль Добраго гевія въ волшебствѣ *Вотъ такъ пилоти*), такъ какъ, по заведенному обычаю, воспитанницамъ все-таки дирекція какъ бы считаетъ своею обязанностью покровительствовать и не обдѣлять ихъ ролями; но съ выходомъ изъ училища на долю Григорьевой стали доставаться только самыя пустыя, почти выходныя роли. 24 августа 1852 г. Александра Ивановна вышла за мужъ за актера московскаго театра К. П. Колосова. Между тѣмъ сценическая карьера артистки не сдѣлалась блестящею. Въ началѣ 1854 г. мы видѣли ее въ циркѣ, содержимомъ въ то время Новосильцевымъ, рядомъ съ Малымъ театромъ, играющую роль Тамары въ *Блокадѣ Ахты***). Но въ томъ

речь: «По странному совпаденію чиселъ ея первый дебютъ на сценѣ и день ея смерти оба пришлись 23 октября». Не день смерти А. И. Колосовой, а день ея похоронъ совпалъ съ днемъ ея перваго дебюта, бывшаго 26, а не 23 октября.

*) Т. е. 15 мая состоялось предписаніе директора императорскихъ театровъ о выпускѣ изъ училища, самый же выпускъ былъ 18 мая.

**) Я привожу этотъ фактъ для того только, чтобы показать, какъ неблестяща была начальная карьера артистки, а вовсе не для того, чтобы повторить крайне наивныя слова г. Москвича (Моск. Вѣд. 1867. г. № 235): «Не только многія представленія Малаго театра обязаны своимъ успѣхомъ г-жѣ Колосовой, но ея же талантъ содѣйствовалъ успѣху большаго представленія *Блокада Ахты*». Такая похвала хуже брани: успѣху *Блокады Ахты* болѣе содѣйствовали четвероногіе, а не двуногіе артисты.

же году г-жѣ Колосовой представились случаи заявить свой талантъ. Лѣтомъ 1854 г. ей удалось сыграть роль Лизы въ *Горѣ отъ ума*, исполнявшуюся въ то время г-жею Рябовой 2-й (Дмитріевой). Роль эта была исполнена г-жею Колосовой хорошо. Этимъ же лѣтомъ была прекрасно сыграна ею, за болѣзнію г-жи Гороздиной, довольно видная роль въ водевилѣ Востокова *Пустяки*. Игра г-жи Колосовой обратила на себя вниманіе немногихъ любителей театра, посѣщающихъ московскіе лѣтніе спектакли, но все таки артистка эта въ общемъ мнѣніи оставалась въ тѣни.

Мнѣ кажется, что съ моей стороны не будетъ нескромностью рассказать случай, немало содѣйствовавшій Колосовой выдвинуться на первый планъ нашей сцены. Я расскажу его за тѣмъ, чтобы показать, отъ какихъ незначительныхъ обстоятельствъ иногда зависитъ карьера артистки.

Подарившій нашу сцену нѣсколькими водевилями, П. Н. Баташевъ перевелъ съ французскаго для бенефиса Е. В. Бороздиной пѣсу *Сосѣдь и сосѣдка*. Двѣ роли этого водевиля назначались г. Шумскому и г-жѣ Бороздиной. По какимъ-то обстоятельствамъ водевилъ этотъ не былъ данъ въ бенефисъ той актрисы, для которой былъ переведенъ. Его назначилъ въ свой бенефисъ г. Шумскій, и по болѣзни г-жи Бороздиной роль Луизы была передана въ немъ, безъ согласія переводчика, г-жѣ Колосовой. Узнавъ объ этой перелачѣ П. Н. Баташевъ пріѣхалъ ко мнѣ посоветоваться, что ему надо дѣлать, чтобы снять пѣсу съ афиши, такъ какъ роль Луизы въ своемъ водевилѣ онъ назначалъ Бороздиной, и молодой переводчикъ боялся, что игра видѣнной имъ только въ однихъ незначительныхъ роляхъ актрисы погубитъ его водевилъ. Но я уже имѣлъ случай видѣть Колосову и въ *Горѣ отъ ума* и въ *Пустякахъ* и былъ твердо увѣренъ, что Колосова хорошо сыграетъ главную роль въ водевилѣ *Сосѣдь и сосѣдка*, и потому посоветовалъ Баташеву прежде, чѣмъ онъ приметъ какія либо мѣры къ снятію съ афиши его водевиля, отправиться на репетицію и посмотрѣть на ней игру Колосовой въ этой пѣсѣ, увѣряя его, что водевилъ нисколько не пострадаетъ отъ игры этой актрисы. П. Н. Баташевъ отправился на репетицію. Возвращаясь съ нея, онъ заѣхалъ опять ко мнѣ. Онъ уже былъ въ восторгѣ отъ игры Колосовой, о снятіи пѣсы съ афиши не было уже рѣчи, и потомъ все свои водевили Баташевъ писалъ уже для Колосовой.

Въ самомъ дѣлѣ, роль Луизы Колосова исполнила прекрасно, не смотря на робость явиться почти передъ полнымъ театромъ въ роли, назначавшейся для первой водевильной актрисы того времени, для Е. В. Бороздиной. «Московскія Вѣдомости» отозвались о Колосовой въ этой роли слѣдующимъ образомъ: «Намъ пріятно при этомъ случаѣ обратить вниманіе нашихъ читателей на молодую артистку, г-жу Колосову, которая была истинно превосходна въ этой маленькой пѣсѣ и по справедливости заслужила всеобщія рукоплесканія публики. Сколько веселости, сколько жизни,

сколько неподдѣльнаго комизма! Мы увѣрены, что эта молодая артистка въ самое короткое время сдѣлается любимицею публики («Моск. Вѣд.» 6 ноября 1854 г. № 133). Слова эти сбылись вполнѣ.

Роль Луизы, въ водевилѣ *Сосѣдь и сосѣдка*, была первую ролью, обратившею на Колосову вниманіе и большинства публики, и дирекціи, и съ тѣхъ поръ актриса эта пошла быстро впередъ и начала занимать первое мѣсто между нашими артистками. Управлявшій въ то время конторою московскихъ театровъ, А. Н. Верстовскій, и инспекторъ репертуара, А. А. Пороховщиковъ, обратили вниманіе на развивающееся дарованіе артистки, и для нея въ началѣ 1855 г. была поставлена трехактная комедія, переведенная съ французскаго Каратыгинымъ, *Бабушкина внучка*. Хотя довольно и эксцентрическій, но эффектно и симпатично поставленный характеръ внучки, полудѣвушки, полуробенка, балованной, но съ душою и сердцемъ, былъ очень мило, граціозно и задушевно переданъ г-жею Колосовою. Съ этихъ поръ она уже нерѣдко стала исполнять значительныя роли, особенно въ 1856 г. Передѣлавшій съ французскаго большое число водевилей, К. А. Тарновскій какъ бы старался найти въ московской труппѣ другую водевильную актрису, достойную стать рядомъ съ Е. В. Бороздиной. Большая часть попытокъ его найти такую актрису была неудачна: наконецъ успѣхи Колосовой помогли ему въ этомъ. Правя въ 1856 г. должность инспектора репертуара, онъ сталъ давать Колосовой часто исполнять первыя роли въ водевиляхъ, и успѣхъ постоянно сопровождалъ ея исполненіе.

Дирекція не оставила безъ вниманія успѣховъ молодой артистки, и еще въ 1855 г. ея незначительное жалованье (200 р. въ годъ) было увеличено болѣе, чѣмъ вдвое; она начала получать по 500 р. въ годъ, а въ 1856 г. ей былъ назначенъ первый бенефисъ. Съ этихъ поръ Колосова стала получать бенефисы ежегодно. На одномъ изъ нихъ (въ 1858 г.) шла передѣланная Л. Н. Оберомъ изъ французской повѣсти драма *Мать и дочь*. Пѣса эта открыла въ Колосовой новую сторону ея таланта. До сихъ поръ она играла только въ комедіяхъ и водевиляхъ, но и въ нихъ въ игрѣ ея уже замѣтно было много страсти; теперь Колосова явилась въ драматической роли и вполнѣ выказала, что въ игрѣ ея очень много чувства. Въ 1858 же году была сдѣлана Колосовой новая прибавка жалованья, ей было назначено по 800 р. въ годъ.

Со времени своей первой попытки играть драматическія роли, сдѣланной въ драмѣ *Мать и дочь* и увѣнчавшейся большимъ успѣхомъ, Колосова нерѣдко начала появляться въ драмахъ и хотя не всегда выдерживала вполнѣ и вѣрно драматическіе характеры, но вносила въ игру свою много чувства и страсти. Такъ въ 1859 г., въ бенефисъ П. М. Садовскаго, она играла роль принцессы Эболи въ *Донъ Карлосъ* Шиллера. Характеръ этой страстной, рѣшительной, увлекающей и увлекающей женщины не былъ вполнѣ ею переданъ;

но сцены раскаянія Эболи были сыграны Колосовой съ такимъ истиннымъ, съ такимъ горячимъ чувствомъ, что заставляли невольно мириться съ невѣрнымъ исполненіемъ остальной части роли.

Г-жа Колосова была уже любимицею публики и по всей справедливости занимала мѣсто между первыми актрисами московской сцены, но получала жалованья менѣе, чѣмъ другія актрисы перваго ампуа. По правиламъ московскаго театральнаго училища *казенныя воспитанницы*, по выпускѣ изъ него, обязаны, въ благодарность за полученное образованіе, прослужить при императорскомъ театрѣ 10 лѣтъ безъ контракта, по усмотрѣнію дирекціи, съ тѣмъ жалованьемъ, которое будетъ имъ назначено. По странному недоразумѣнію правило это прилагали и къ *пансіонеркамъ дирекціи*, которыя были обязаны прослужить за свое воспитаніе не 10, а только 8 лѣтъ. Это недоразумѣніе было столь общимъ, что ему все подчинялись, и никто не думалъ противъ него протестовать. Колосова дождалась окончанія 10 лѣтъ своей службы, чтобы предложить дирекціи свои условія. Въ то время я служилъ въ конторѣ московскихъ театровъ, и мнѣ посчастливилось разъяснить это недоразумѣніе. *Казенныя воспитанницы*, обязанныя прослужить за свое воспитаніе 10 лѣтъ, были уничтожены въ 1845 г., оставлены только *пансіонерки дирекціи*, а онѣ обязаны служить только 8 лѣтъ. Въ то время, какъ мнѣ удалось разъяснить бывшее недоразумѣніе относительно лѣтъ службы [въ благодарность [за воспитаніе въ училищѣ, исполнилось 8 лѣтъ службы Колосовой (въ 1860 г.). Я объяснилъ ей, что она уже имѣетъ право заявить свои предложенія дирекціи. Колосова воспользовалась этимъ и подала прошеніе о заключеніи съ нею контракта на условіяхъ, на которыхъ служили другія актрисы нашего театра, занимавшія въ то время, подобно ей, первое ампуа. По просьбѣ ея, 15 іюля 1860 г. состоялась слѣдующая резолюція министра императорскаго двора, графа В. О. Адлерберга: «Согласенъ назначить жалованье, проспектабельныя и полубенефисы наравнѣ съ г-жами Васильевой и Медвѣдовой».

Согласно съ этою резолюціею дирекція заключила контрактъ съ Колосовою срокомъ на три года (съ 15 іюля 1860 г.) съ жалованьемъ по 1,143 руб. въ годъ (максимумъ жалованья, опредѣленнаго закономъ для русскихъ артистовъ), проспектабельныхъ по 7 руб. за представленіе и по полубенефису ежегодно. По прошествіи этихъ лѣтъ контрактъ былъ возобновленъ еще на три года съ назначеніемъ проспектабельной платы уже по 10 руб. за представленіе, а 15 іюля 1866 года контрактъ этотъ возобновленъ на тѣхъ же условіяхъ еще на три года, но смерть не позволила Колосовой дослужить до срока этого контракта. Еще 18 октября прошлаго года артистка эта играла роль Дорины въ *Тартюфѣ*, роль не вполнѣ еще хорошо исполненную ею, когда она играла ее въ первый разъ, но потомъ доведенную ею до высокаго достоинства исполненія; публика рукоплескала

своей любимицѣ, и никто не могъ подумать, что за этою женщиною, полною жизни, здоровья, цвѣтущею молодостию и талантомъ, стоитъ уже смерть за плечами. 19 октября Колосова простудилась; съ нею сдѣлалось сильнѣйшее воспаленіе, 21-го она слегла въ постель, 22-го перестала уже говорить, а 23-го ее уже не было въ живыхъ.

Да, грустна и тяжела эта потеря для всякаго, любящаго московскій театръ, который несетъ потери за потерями, остающіяся незамѣченными.

Трудно исчислить лучшія роли г-жи Колосовой. Большею частію, болѣе или менѣе она была хороша во всѣхъ игранныхъ ею роляхъ (за исключеніемъ весьма, весьма немногихъ, какъ напр. Марьи Антоновны въ *Ревизорѣ* и Варвары въ *Грозѣ*). Шекспиръ нашелъ въ ней хорошую исполнительницу для ролей Катаринны, Нирисы и г-жи Фордъ. Мольеръ имѣлъ въ ней прекрасную исполнительницу своихъ субретокъ и недурную Агнесу, Бомарше—умную Розину, Грибоѣдовъ—хорошую Лизу, Гоголь—Агаю Тихоновну; Островскій назначалъ ей первыя роли во многихъ своихъ пьесахъ и въ большей части изъ этихъ ролей она была очень хороша (какъ напр. въ роли Татьяны въ др. *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, въ роли Полины въ к. *Доходное мѣсто* и мног. др.). Г-жею Колосовою переиграно множество ролей во множествѣ драмъ, комедій, водевилей, опереттъ и во всѣхъ этихъ роляхъ, какъ я уже сказалъ, она была болѣе или менѣе хороша.

Нѣкоторыя роли, поддерживаемыя ея игрою, производили огромный эффектъ на публику. Припомнимъ, напр., хоть роль Наташи (въ комедіи *Пріемлишѣ*), въ которой игра г-жи Колосовой была превосходна и производила огромный эффектъ.

На долю г-жи Колосовой выпалъ завидный жребій: въ ее бенефисъ поставлена была комедія Шекспира *Укрощеніе строптивой*, первая изъ шекспировскихъ пьесъ на нашей сценѣ, сыгранная послѣ продолжительнаго промежутка времени, въ который на московской сценѣ не ставилась ни одна изъ пьесъ Шекспира. Такимъ образомъ слава возобновленія Шекспира на нашей сценѣ падаетъ и на г-жу Колосову.

Въ игрѣ этой артистки было много ума, правды, естественности, жизни, веселости, огня, чувства и страсти; но иногда проявлялась излишняя рѣзкость и не всегда доставало чувства надлежащей мѣры. Впрочемъ, не смотря на этотъ недостатокъ, г-жа Колосова, по всей справедливости, должна быть причислена къ лучшимъ украшеніямъ нашей теперешней драматической труппы, въ которой утрата ее симпатическаго таланта является огромною. Публика надолго сохранитъ память о своей даровитой любимицѣ, а имѣвшіе счастье знать покойную лично, а также и ее товарищи—о доброй, прекрасной и умной женщинѣ.

Ровно черезъ 18 лѣтъ послѣ перваго ее дебюта на сценѣ, 26 октября происходило отпѣваніе ее тѣла въ церкви Св. Пимена, именуемой Старымъ. Церковь была полна явившимися отдать послѣдній долгъ усоп-

шей. Трупъ покойной и весь гробъ ее были убраны цвѣтами; на крышѣ гроба лежали два великолѣпныхъ вѣнка; въ срединѣ одного изъ нихъ, сдѣланнаго съ необыкновеннымъ вкусомъ, была выложена надпись изъ бѣлыхъ безсмертокъ: *Артистическій Кружокъ своему достойному члену А. К.*, а въ срединѣ надписи былъ сдѣланъ крестъ изъ розовыхъ камелій.

Во время отпѣванія было видно много слезъ, слышались рыданія, и эти слезы, и эти рыданія были не однихъ только родныхъ покойной.

По выносѣ изъ церкви, гробъ не дали поставить на дроги, а почитатели таланта покойной донесли его до самаго Ваганьковскаго кладбища. И вотъ недалеко отъ памятныхъ въ исторіи нашего театра могилъ Ленскаго, Мочалова, Сабурова, Лаврова, Васильева и Верстовскаго, воздвиглась новая могила, скрывающая прахъ молодой, талантливой и трудолюбивой дѣятельницы нашей сцены.

Не прошло и мѣсяца со дня похоронъ Колосовой, а на Ваганьковскомъ кладбищѣ воздвиглась еще новая, знаменитая для русскаго артистическаго міра могила. 23 ноября на этомъ кладбищѣ схоронена Надежда Васильевна Верстовская, нѣкогда знаменитая актриса московскаго театра, г-жа Н. Рѣпина. Театръ давно уже, еще въ 1841 г., когда эта актриса оставила сцену, лишился Рѣпиной и потому потерю ее мы и не включаемъ въ число потерь, понесенныхъ нашимъ театромъ за послѣднее время (*).

Вл. Родиславскій.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

БЕНЕФИСЪ Г. САДОВСКАГО.

Василиса Мелентьева, драма въ 5 д. въ стихахъ, соч. А. Н. Островскаго. — Въ деревнѣ, шуточныя сцены въ 2 д. соч. М. Н. Владыкина. — Голь на выдумки хитра, вод. въ 1 д., пер. съ франц. П. Н. Баташева 1-й дебютъ г-жи Левиной (5 января).

Съ особеннымъ удовольствіемъ заносимъ мы въ театральную хронику успѣхъ *Василисы Мелентьевой*. Мы радуемся вдвойнѣ появленію и успѣху этой драмы: во первыхъ потому, что настоящій сезонъ не богатъ хорошими пьесами, во вторыхъ потому, что это есть произведеніе г. Островскаго, къ которому московская публика съ нѣкоторыхъ поръ какъ будто нѣсколько охладѣла... Прежде, чѣмъ говорить о самой драмѣ, мы считаемъ нелишнимъ коснуться въ нѣсколькихъ словахъ драматургической дѣятельности г. Островскаго за послѣднее время.

Г. Островскій создалъ цѣлый репертуаръ. Рядъ прекрасныхъ бытовыхъ пьесъ доставилъ ему блистательное и прочное положеніе въ нашей литературѣ. Съ особен-

(*). Некрологъ Н. В. Верстовской былъ напечатанъ мною въ № 45 «Современной Лѣтописи» за прошлый годъ.

ной яркостью выказался его талантъ въ изображеніи купеческой среды. Эта среда доставила ему между прочимъ материалъ для самаго глубокаго и поэтическаго его произведенія, для *Грозы*, показавшей, что г. Островскій способенъ создать русскую, бытовую драму, въ настоящемъ значеніи этого слова. Мы говоримъ въ настоящемъ значеніи потому, что оригинальныя пьесы, являвшіяся на нашей сценѣ до *Грозы* и теперь еще продолжающія являться, порою даже не безъ успѣха, не удовлетворяютъ ни одному изъ тѣхъ условій, которыми разумная критика должна требовать отъ драмы. *Гроза*, обошедшая всю Россію, игравшаяся на всѣхъ провинціальныхъ сценахъ, повсюду встрѣчала необыкновенное сочувствіе. Поэтическая прелесть этого созданія неотразима и равно обаятельно дѣйствуетъ какъ на развитаго, знакомаго съ геніальными произведеніями западныхъ драматурговъ, зрителя, такъ и на простыя, непосредственныя натуры, которымъ внутреннее чутье подсказываетъ, что хорошо и гдѣ правда. Ни одно женское лицо, созданное г. Островскимъ (а на созданіе женскихъ лицъ онъ большой мастеръ) не возбуждало такой симпатіи, какъ Катерина. Не даромъ каждая д. бютантка, чувствуя въ себѣ призваніе къ исполненію драматическихъ ролей, непременно пробуетъ себя въ *Грозѣ*. Дебютантки очень хорошо сознаютъ, что сыграть хорошо роль Катерины, въ высшей степени трудную, значить завоевать себѣ сразу дипломъ на талантливую артистку. Всѣ цѣнящіе талантъ г. Островскаго вправдѣ были надѣяться, что послѣ успѣха *Грозы* онъ посвятитъ талантъ свой исключительно бытовой драмѣ. Но надежды эти къ несчастію не сбылись. Хотя г. Островскій и написалъ потомъ еще *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, пьесу, также исполненную весьма крупныхъ достоинствъ, но затѣмъ совершенно неожиданно повернулъ на иной путь. Онъ обратился къ исторической почвѣ и за исключеніемъ *Воеводы*, пьесы, изобилующей мастерскими бытовыми чертами, но довольно мелкой по основному мотиву (борьба земства съ тогдашней администраціей является только въ прологѣ и дальнѣйшаго развитія мотиву этому не дано; вся пьеса вертится на любовной интригѣ довольно рутиннаго свойства), сталъ писать такъ называемыя историческія хроники. Явились *Мининъ*, *Дмитрій Самозванецъ*, *Тушино*... говорили, что за *Самозванецъ* послѣдуетъ *Царь Василій Ивановичъ Шуйскій* и что г. Островскій намѣренъ создать цѣлый циклъ историческихъ хроникъ... Примѣръ г. Островскаго не замедлилъ найти подражателей. *Мамаево побоище* и проч. служатъ тому доказательствомъ. Но хроники г. Островскаго принимались далеко не такъ, какъ его прежнія пьесы. *Мининъ* и *Тушино* упали. *Дмитрій Самозванецъ* хотя и выдержалъ довольно много представленій, но едва ли надолго удержится въ репертуарѣ. Какая же тому причина? Въ талантъ ли г. Островскаго замѣчается упадокъ, или публика не сочувственно относится къ самому роду этихъ произведеній?

Замѣчательно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ германской драматической литературѣ былъ такой же наплывъ историческихъ хроникъ, противъ которыхъ значительно ратовали лучшіе нѣмецкіе критики *). Геттнеръ, извѣстный авторъ Исторіи литературы XVIII вѣка, высказалъ въ особенности по этому поводу много весьма дѣльныхъ мыслей, и намъ кажется, что будетъ не совсѣмъ лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ его мнѣній. Явленіе это Геттнеръ приписываетъ преимущественно тому, что драматическіе писатели не уяснили себѣ настоящимъ образомъ сущности исторической драмы. Всюду господствуетъ диллетантское смѣшеніе эпическаго съ драматическимъ. Цикль есть ни что иное, какъ драматизированный эпосъ. Онъ существуетъ именно тамъ, гдѣ драматическое искусство только что зарождается, или выходитъ изъ пеленокъ робкимъ, невѣрнымъ шагомъ. Немногіе характеры годятся въ трагическіе герои. Чѣмъ большей чистоты достигаетъ трагическое искусство, тѣмъ строже оно становится въ выборѣ предмета. Аристотель уже замѣчаетъ въ своей *Поэтикѣ*, что прежніе трагики брали предметомъ для своихъ произведеній любой мѣсъ, теперь же ограничиваются нѣкоторыми, избранными. Цикль ставитъ себѣ задачей обнять въ хронологической послѣдовательности цѣлый рядъ лицъ и событій, цѣлый періодъ времени, иногда столѣтій. Цикль поэтому не можетъ избирать своихъ героевъ съ цѣлью художественной и слѣдовательно не можетъ заключать въ себѣ замкнутыхъ, самостоятельныхъ, отдѣльныхъ трагедій. Только всѣ пьесы цикла, вмѣстѣ взятыя, даютъ полную картину, трагическую идею, вину и искупленіе. Каждая пьеса цикла есть вырванный листокъ изъ исторіи, часто начинающійся съ середины какого нибудь мѣста и точно также кончающійся на серединѣ, и относится ко всему циклу, какъ отдѣльные акты къ отдѣльной драмѣ. Зачѣмъ же ихъ ставить на сцену? Какой успѣхъ могутъ, напр., имѣть *Пикколомини* Шиллера? Многихъ драматурговъ соблазняетъ примѣръ Шекспира, но и хроники Шекспира относятся къ первой порѣ его дѣятельности, когда онъ творилъ подъ эпическими вліяніями. Онъ могъ рассчитывать на сильное впечатлѣніе, еслибы даже былъ гораздо менѣе геніаленъ, изображая борьбу вассаловъ съ монархами, потому что въ его время еще свѣжи были воспоминанія объ этой борьбѣ, не зажили раны, нанесенныя феодализмомъ. Но чѣмъ болѣе крѣпнулъ его геній, тѣмъ болѣе отрѣпался онъ отъ эпическаго начала, отъ цикла, и стремился къ созданію настоящей, отдѣльной, замкнутой самой въ себѣ трагедіи.

Въ наше время возможна только историческая трагедія, а не хроника. Историческая трагедія, какъ всякая другая, по существу своему есть преимущественно трагедія психологическая. Если она даже возвышается до бор-

*) Нѣкто Мельхиоръ Мейръ серьезно утверждалъ въ ретшеровскихъ Драматургическихъ Jahrbuchern, что надо драматизировать всю всемірную исторію.

бы мировыхъ принциповъ, то и тогда эпическій элементъ не долженъ примѣшиваться къ драматическому изображенію. Человѣкъ всегда ищетъ и находитъ въ поэзіи только свои собственныя мысли и чувства; драма—это уже извѣстна и Гамлету—должна быть зеркаломъ своего времени. Стало быть, содержаніе драматическаго произведенія должно находиться въ тѣсномъ внутреннемъ сродствѣ съ стремленіями и потребностями общественнаго сознанія эпохи.

Лессингъ говоритъ, что поэту не за тѣмъ нужно событіе, что оно дѣйствительно случилось, но за тѣмъ, что оно такъ случилось, что ему трудно было бы для своихъ настоящихъ цѣлей изобрѣсть лучшее.

Что намъ за дѣло въ поэзіи до исторіи, какъ исторіи? Развѣ она не теряетъ всѣ свои самостоятельныя права въ тоже мгновеніе, какъ вступаетъ въ область поэзіи? И въ исторической драмѣ мы требуемъ прежде всего поэзіи и только поэзіи. А гдѣ исторія выступаетъ изъ за кулисъ въ наготѣ, съ претензіей на самостоятельное значеніе, какъ исторія, тамъ мы невольно отъ нея отворачиваемся. Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не утратятъ своего значенія такія трагедіи характеровъ, какъ *Кориоланъ* и *Антоній и Клеопатра*, какъ *Фіѳско* и *Валленштейнъ*, какъ *Тассъ* и *Эммонъ*. Всегда будутъ они производить глубокое впечатлѣніе, подобно *Гамлету* и *Макбету*, потому что хотя онѣ и построены на исторической почвѣ, но дѣло идетъ здѣсь о вѣчной природѣ человѣка, о чисто человѣческихъ страстяхъ и борьбѣ. Но само собой разумѣется, поэтъ, избравши развѣ извѣстное событіе содержаніемъ своей драмы, вдохновившись извѣстными характерами, потому что онъ нашолъ въ нихъ воплощенными свои собственныя мысли и чувства, обязанъ строго держаться исторической правды и ни въ какомъ случаѣ не долженъ произвольно искажать внутренняго смысла, сущности заимствованнаго имъ, извѣстнаго факта. Онъ имѣлъ право свободного вымысла, зачѣмъ же онъ добровольно наложилъ на себя путы, если положенія исторіи его не удовлетворяли? Историческая драма, какъ и дѣйствительно историческій романъ, не примѣшиваетъ ничего новаго и чуждаго къ историческому прошедшему. Она вызываетъ изъ него только поэзію, таящуюся въ немъ, и можетъ быть заслоненную только внѣшними случайностями; она очищаетъ золото отъ земли, вынимаетъ изъ шелухи зерно. Историческая поэзія не есть пестрое сплетеніе историческихъ дѣяній и свободного вымысла, правды и поэзіи,—она вся правда и вся поэзія.

Возвращаясь къ дѣятельности г. Островскаго, мы скажемъ, что слабый (относительно) успѣхъ его послѣднихъ произведеній мы никакъ не позволимъ себѣ отнести къ упадку его таланта, чтобы ни говорили литературные противники его, которые доходятъ иногда до того, что отрицаютъ у него даже хорошій стихъ; мы думаемъ скорѣе, что виною этого слабаго успѣха—самый родъ произведенія, избранный имъ въ послѣднее время. Историческія хроники, какъ бы онѣ талантливо ни были написаны, скучны на сценѣ. Г. Островскій уклонился

отъ своего настоящаго призванія. Онъ писатель по преимуществу бытовой. А въ хроникахъ бытовой стороны дается слишкомъ мало мѣста. Попадающіяся изрѣдка бытовыя черты въ хроникахъ г. Островскаго составляютъ въ нихъ лучшее. Кромѣ того, г. Островскій мастеръ изображать женскіе типы; но всѣмъ извѣстно, какую ничтожную роль играютъ женщины въ русской исторіи; стало быть и въ этомъ отношеніи хроника не даетъ простора г. Островскому. Нельзя впрочемъ не сдѣлать ему упрека въ спѣшности работы, замѣчаемой въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Спѣшность эта и прежде проглядывала въ тѣхъ пьесахъ, которыя онъ писалъ, что называется между дѣломъ (напр. *Луцина*), и дала обильную пищу для нападокъ его противникамъ. Въ *Тушинѣ* спѣшность эта въ особенности бросается въ глаза. Въ пьесѣ этой есть прекрасныя драматическія мотивы, которые остались совершенно неразработанными и заслонены внѣшними событіями, т. е. собственно исторіей. Такъ какъ *Тушино—хроника*, то авторъ ея пожертвовалъ въ ней драматической стороною, которая одна только и могла бы сообщить интересъ пьесѣ, будучи выдвинута на первый планъ.

Намъ приходилось иногда слышать мнѣніе, что всѣ эти хроники не больше, какъ подготовительная работа къ русской исторической драмѣ. Но мы никакъ не можемъ допустить, чтобы г. Островскій, написавшій *Грозу* и *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, выработавшій такой превосходный языкъ и до такой степени знакомый съ русскимъ историческимъ бытомъ, нуждался еще въ какой-то особенной подготовкѣ. Мы говорили себѣ: если ужъ г. Островскій совершенно отвернулся отъ современной дѣйствительности и погрузился въ изученіе прошедшаго, то нельзя не пожелать, чтобы онъ по крайней мѣрѣ принялся за историческую драму и покончилъ съ этими хрониками. Теперь желанія наши сбылись, и мы душевно порадовались, увидѣвъ наконецъ на афишѣ, что г. Островскій, хотя и въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ, дѣйствительно написалъ драму.

О Василисѣ Мелентевой, шестой женѣ Грознаго, въ исторіи не говорится почти ничего. Извѣстно только, что онъ не былъ вѣнчанъ съ ней, а просто взялъ молитву на сожительство. Стало быть авторской фантазіи предстоялъ здѣсь полный просторъ, и дѣйствительно, хотя фонъ картины, на которомъ рисуются фигуры Грознаго, Малюты и др., историческій, но то, что составляетъ главную суть, т. е. дѣйствіе, интрига, характеры героини и любовника ея принадлежатъ чисто вымыслу. Пьеса эта, исполненная движенія, интереса, неослабѣвающаго до конца, заключаетъ въ себѣ множество прелестныхъ, поэтическихъ подробностей, мѣткихъ типическихъ чертъ, характеризующихъ эпоху, вѣрныхъ психологическихъ движеній, но въ то же время не чужда и довольно значительныхъ недостатковъ. Василиса Мелентева вдова, изъ прислужницъ царицы, путемъ разныхъ происковъ, интриги и преступленій, при пособничествѣ влюбленнаго въ нее бѣднаго дворянина Колычева, достигаетъ того, что становится подру-

гой царя; но не успев еще вполне насладиться всеми почестями, сопряженными с ее высоким положением и составлявшими завѣтную мечту ее, гибнет под ножомъ любовника, котораго она постоянно обманывала. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе пьесы.

Драмою въ строгомъ, настоящемъ смыслѣ этого слова мы не назовемъ *Василисы Мелентьевой*. Въ основаніи каждой драмы, исторической или не исторической—все равно, должна непременно лежать борьба. Это составляетъ, какъ известно каждому, существенное отличіе ее отъ всѣхъ другихъ родовъ литературныхъ произведеній, эпоса и лирики. Она можетъ быть или драмою внѣшнихъ отношеній, гдѣ личность вступаетъ въ борьбу съ объективной необходимостью, выражающейся въ колебимомъ общественномъ строѣ, съ гнетомъ внѣшняго міра; или драмой страстей, гдѣ страсть борется съ страстью, человекъ съ человекомъ, и гдѣ герой, если гибнетъ, то не жертвой враждебной среды, а влѣдствіе слабостей и недостатковъ своей природы, какъ напр. Гамлетъ;—или наконецъ драмой идеи, гдѣ противоположности, составляющія трагическую коллизію, лежатъ въ законахъ развитія человечества, гдѣ дѣло идетъ уже не о борьбѣ страсти со страстью, но о борьбѣ міровыхъ принциповъ. Это высшій родъ драмы, потому что здѣсь долженъ уже исчезнуть всякій слѣдъ случайности и произвола. Не говоримъ уже о послѣднемъ родѣ, который и въ западной литературѣ не имѣетъ достойныхъ представителей, за исключеніемъ творцовъ *Юлія Цезаря* и *Фауста*, и образцомъ котораго можетъ служить *Антигона* Софокла; но и такія произведенія, которыя можно было бы причислить къ первымъ двумъ родамъ, появляются на русской сценѣ слишкомъ рѣдко (опять приходится упомянуть только *Грозу*, да *Грѣхъ да бѣда*). Намъ кажется, что и *Василису Мелентьеву* нельзя отнести вполне ни къ одному изъ трехъ родовъ, хотя въ ней есть много элементовъ для драмы страстей. Отношенія героини къ Колычеву не довольно выяснены и развиты. А эти то отношенія, на которыхъ все вертится въ пьесѣ, и могли бы дать матеріалъ для настоящей драмы. Борьба любви героини къ Колычеву съ властолюбіемъ—вотъ мотивъ, который какъ бы самъ напрашивался въ основаніе драмы. Въ этой неопредѣленности отношеній, по нашему мнѣнію, и заключается существенный недостатокъ пьесы. Въ продолженіе всей пьесы вы не можете себѣ дать отчетъ, любить ли Василиса Колычева, или онъ только нуженъ ей, какъ орудіе ее честолюбивыхъ помысловъ; обращеніе ее съ нимъ становится ласково только тогда, когда ей нужно воспользоваться его услугами. Она знаетъ, что эти ласки способны подвигнуть его на все, и не жалѣетъ ихъ въ тѣ рѣшительныя минуты, когда она видитъ, что нужно ловить удобный случай для достиженія цѣли. Борьбы мы рѣшительно въ ней не замѣчаемъ; о любви къ Колычеву, о счастья отдаться любимому человеку, жить подлѣ него—нѣтъ ни единого слова во всѣхъ ея монологахъ, въ которыхъ должны разоблачаться ея душевные, сокровеннѣйшіе помыслы. Желаніе быть царицей погла-

щаетъ, кажется, все существо ее. Она мечтаетъ о томъ, какъ величава будетъ ее поступь, какъ гордъ и презрителенъ ее взглядъ, какъ будутъ пресмыкаться у ногъ ее всѣ эти бояре, унижавшіе и оскорблявшіе ее своей снѣсью... Потому то насъ и поражаетъ странной неожиданностью то, что она говоритъ въ пятомъ актѣ во снѣ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что мы никакъ не можемъ одобрить этотъ мелодраматическій пріемъ: заставлятъ лицо во снѣ открывать свои тайны). Она высказываетъ въ бреду свою любовь къ Колычеву и проситъ у него прощенія. Она говоритъ, что ей хотѣлось быть царицей и что только это заставило ее броситься въ объятія старика, нелюбимаго ею. Конечно, могло быть и такъ, что она прежде не любила Колычева вовсе и приблизила его къ себѣ только для того, чтобы имѣть въ немъ пособника, но достигши своихъ цѣлей, вдругъ почувствовала къ нему сожалѣніе, почувствовала раскаяніе въ томъ, что заставила его сдѣлать, изъ любви къ ней, одно преступленіе поманула его... и любовь внезапно зародилась въ сердцѣ ее. Это даже могло бы быть тѣмъ острѣе, что сдѣлавшись царицей, добившись власти, она увидѣла, что одна власть не можетъ наполнить всего существа человека, и въ молодой натурѣ ее проснулась потребность привязанности, потребность, которой не заглушишь ничѣмъ, никакими почестями. Но все это только предположеніе. Авторы не показали намъ, каковы были прежнія отношенія ее къ Колычеву, когда она не проникла еще въ царскія палаты. Мы не знаемъ, таились ли въ ней уже и тогда честолюбивые замыслы, или они родились внезапно, подъ вліяніемъ брошеннаго на нее Грознымъ, распаленнаго чувственностью взгляда. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Василисой во снѣ, намъ недостаточно для того, чтобы выказанное выше предположеніе мы могли счесть за нѣчто достовѣрное. Въ продолженіи всей пьесы она является существомъ совершенно холоднымъ.

Ошибемся ли мы, если предположимъ, что и здѣсь нѣкоторая снѣшность работы помѣшала авторамъ вполне развить затронутые ими драматическіе мотивы? Мы сказали выше, что пьеса изобилуетъ прекрасными частностями. Въ особенности можно указать на разговоръ Василисы съ Грознымъ, во второмъ актѣ, на монологъ Василисы подъ окномъ, на сцену царицы съ Малютой и разговоръ ее съ Колычевымъ передъ отравленіемъ, когда она напоминаетъ ему о прошломъ, наконецъ на сцену пятаго акта между Грознымъ и засыпающей Василисой. Все это такія мѣста, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ сильнаго, художественнаго таланта. Въ изображеніи личности Василисы вообще виденъ необыкновенно смѣлый и широкій размахъ кисти Грозный, являющійся здѣсь съ совершенно новой стороны, въ своихъ домашнихъ отношеніяхъ къ женѣ и приближеннымъ, также по нашему мнѣнію вышелъ лицомъ чрезвычайно жизненнымъ. Авторамъ предстояла большая трудность не опозилить этой, хотя и отгалкивающей, но все таки грандіозной фигуры. Одна черта лишняя—и Грозный въ

любвнхъ сценахъ съ Василисой могъ бы выйдти тривіальнымъ, похожимъ на тѣхъ влюбенныхъ деспотовъ-стариковъ которыми изобилуютъ всякія драмы, и пожалуй бы даже возбудилъ смѣхъ (Грозный, возбуждающій смѣхъ!). Но авторы сѣумѣли мастерски выйдти изъ затрудненія. Грозный въ ихъ пьесѣ не утратилъ ни исторической, ни художественной правды. Нельзя не указать въ особенности на нѣкоторыя черты, столько же вѣрныя въ психологическомъ отношеніи, сколько и характеристичныя. Такъ, напр., почувствовавъ влеченіе къ Василисѣ и упрекая себя въ томъ, что онъ опять поддается грѣху, тогда какъ думалъ, что совсѣмъ покончилъ съ плотью, онъ оканчиваетъ свой монологъ словами: «Вѣдь не завтра еще страшный судъ. Будетъ время покаяться». Потомъ эти слова, обращенныя къ Малютѣ — «Я не люблю кощунствовать трезвый», и наконецъ его монологъ надъ спящей Василисой, гдѣ онъ вспоминаетъ свою жену Анастасію, сообщаютъ этому лицу необыкновенную жизненность. — Личность царицы Анны Васильчиковой весьма симпатична, что также дѣлаетъ честь таланту авторовъ, потому что этотъ пассивный характеръ могъ легко подъ перомъ менѣе даровитымъ, напомнить тѣ ноющія и стонущія личности забытыхъ и покорныхъ героинь, которыя тоже слишкомъ часто встрѣчаются въ нашей литературѣ. Авторы придали ей нѣкоторыя вспышки возмущеннаго человѣческаго достоинства, проявляющагося въ сценахъ съ Малютой и Василисой, и въ тоже время освѣтили ее какимъ-то поэтическимъ колоритомъ тихой задумчивости. Намъ невольно влечетъ къ себѣ эта женщина, когда-то мечтавшая о блаженствѣ скромной семейной жизни, о безграничной преданности любимаго человѣка, который бы нѣжилъ и холилъ ее, и попавшая, благодаря счастливой, по мнѣнію вѣроятнѣ всѣхъ ея подругъ и близкихъ, случайности и прихоти царской; эта голубка, бьющаяся и трепещущая въ когтяхъ коршуна... Намъ нравится эта женская вспыльчивость, эта неосторожность, съ которой Василиса раздражаетъ суроваго Малюту, «царскаго пса», какъ онъ себя называетъ, не понимая, что въ его власти погубить ее. Все это черты какъ нельзя болѣе вѣрныя и чисто женскія. Слабѣ другихъ вышелъ Колычевъ. Одна только сильная, незнающая предѣловъ страсть можетъ сдѣлать человѣка до такой степени слѣпымъ и подвигнуть его на всякое преступленіе, на ложный доносъ и на убійство. То, что ему рассказываетъ Василиса о своихъ плавахъ во второмъ актѣ, слишкомъ несбыточно, чтобъ человѣкъ здравомыслящій могъ тому поддаться и не замѣтить, что Василиса хитритъ: она говоритъ ему, что нравится царю и что развести его съ царицей, которая ему надоѣла, нужно для того, чтобы онъ поскорѣй женился на другой и пересталъ смотрѣть на Василису. Мы сказали, что только сильная, неодолимая жгучая страсть можетъ побудить человѣка забыть совѣсть и заставить его вѣрить такими вещами въ надеждѣ получить за это въ награду обладаніе любимой женщиной; а между тѣмъ — страст-

ности-то именно и лишентъ Колычевъ, являющійся въ драмѣ скорѣй какимъ-то простачкомъ, безпрестанно впадающимъ въ чувствительность. На одно только мѣсто въ этой роли, психологически вѣрное, можемъ мы указать — это именно, когда Колычевъ, согласившись отравить царицу, говоритъ Василисѣ, что ужъ послѣ этого она будетъ его рабой и что онъ заставитъ ее дѣлать все, что ему угодно. Это черта мастерская. Еще забыли мы упомянуть объ одномъ прекрасномъ моментѣ въ пьесѣ, когда Василиса ждетъ Колычева. Это единственное мѣсто, гдѣ въ Василисѣ пробуждается человѣческое чувство, гдѣ она борется съ собой. Промедли Колычевъ еще минутой, и она бросилась бы къ ногамъ царицы и покаялась бы ей въ своемъ злодѣйскомъ умыслѣ.

Мы сказали уже, что драма ведена очень умно и живо. Сценарій, начиная со втораго акта, обдуманъ превосходно. Но первый актъ, вовсе не ведущій къ дѣлу, крайне длиненъ и утомителенъ. Намъ кажется, что авторы лучше бы поступили, нѣсколько подробнѣе познакомивъ зрителя съ отношеніями Василисы къ Колычеву. Вся эта рѣчь Грознаго о политикѣ могла бы быть выпущена и пьеса бы только выиграла отъ этого. Тоже можно сказать и о разговорахъ бояръ и выходкахъ шута. Очевидно, что авторамъ нужна была вся сцена въ думѣ лишь для того, чтобы вывести царицу и Василису и чтобы послѣдними словами Грознаго, которыми заканчивается эта сцена, заинтересовать зрителя къ дальнѣйшему ходу пьесы. Но мы считаемъ эту экспозицію несовсѣмъ удачною, потому что тутъ главную роль играютъ лица, не имѣющія никакого дальнѣйшаго отношенія къ драмѣ. И къ характеристикѣ Грознаго эта сцена прибавляетъ мало. Просмотрѣвъ первый актъ и услышавъ со всѣхъ сторонъ въ залѣ восклицанія: «скучно! опять эти историческія пьесы», мы было убоились за успѣхъ *Василисы Мелентьевой*. Но, къ счастью, наши опасенія не оправдались. Успѣхъ былъ полный и — скажемъ не обинуясь — каковы бы ни были недостатки пьесы, вполне заслуженный. Не часто приходится намъ видѣть на нашей сценѣ пьесы, столь богатая поэтическими красотами, написанныя такимъ, по истинѣ мастерскимъ языкомъ. Намъ очень жаль, что мы не имѣемъ подъ рукой этой драмы и не можемъ подкрѣпить наше мнѣніе выписками. Мы привели бы, на примѣръ, хоть то мѣсто, когда Василиса назначаетъ Колычеву придти на свиданіе, обѣщая сама провести его въ теремъ. Желательно, чтобы противники г. Островскаго указали намъ, у кого изъ современныхъ нашихъ писателей, воспроизводящихъ нашъ историческій бытъ, можно найдти стихъ — болѣе-поэтическій, оборотъ рѣчи — болѣе русскій.

Теперь нѣсколько словъ объ исполненіи *Василисы Мелентьевой*. Она исполнена была съ той старательностью, съ какой наша труппа привыкла относиться къ произведеніямъ каждаго даровитаго писателя, хотя надо сознаться, что всѣ главные исполнители были не на своихъ мѣстахъ. Роль Грознаго точно такъ же не по темпераменту г. Самарина и выходитъ изъ его ампула, какъ и роль Василисы Мелентьевой не требуетъ ни одного изъ

тѣхъ свойствъ, которыя существенно характеризуют дарованіе г-жи Ѳедотовой. Извѣстно, что ей болѣе всего удаются характеры пассивные, что лучшія ея роли—тѣ, гдѣ должны проявляться задушевность, теплота, кроткая покорность судьбѣ; г-жа Никулина—совершенно на оборотъ—до сихъ поръ была всегда особенно хороша въ роляхъ, требующихъ живости, кокетливости, подвижности и также въ роляхъ наивныхъ дѣвочекъ. Но что же дѣлать, на нѣтъ и суда нѣтъ. Еслибы *Василиса Мелентьева* была написана нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы бы конечно увидѣли въ ней г-жу Васильеву; теперь она взяла себѣ ничтожную роль Мамки, за что и заслуживаетъ полнѣйшей благодарности. Надо отдать однако же полную справедливость и г-жѣ Ѳедотовой и г-жѣ Никулиной. Онѣ сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобъ явиться достойными исполнительницами выпавшихъ на ихъ долю ролей. Г-жа Никулина особенно поправилась намъ своей неподдѣльной искренностью; за сцену съ Малютой она была единодушно вызвана посреди акта. Кромѣ того г-жа Никулина едвали не единственная актриса на нашей сценѣ, обладающая мимикой. Черты лица ея, подвижныя и выразительныя, необыкновенно способны измѣняться сообразно положенію изображаемой личности. Жаль, что ей много вредитъ рѣзкій тембръ голоса. Г-жа Ѳедотова употребляла всѣ усилія, чтобы выказать энергію, и это въ извѣстной степени удалось ей въ 3-мъ актѣ. Неприятно поражаетъ порой въ игрѣ ея рутинный, декламаторскій тонъ (слѣды театральной школы), хотя въ послѣднее время она замѣтно старается отъ него отрѣшиться. Неудачна, по нашему мнѣнію, вышла у ней сцена съ Грознымъ во 2 актѣ, гдѣ нужно болѣе притворной робости и стыдливости,— не мѣшаетъ даже и нѣкоторый отгѣнокъ дѣйствительной боязни, потому что хотя она и знаетъ, что правится Грозному, но не можетъ не понимать, что играетъ въ опасную игру и что съ нимъ шутить нельзя. Г-жа Ѳедотова кокетничала съ Грознымъ, какъ съ губернаторскимъ чиновникомъ въ *Мишурѣ*, и даже повторила тотъ же самый жестъ, кинувшись вдругъ на шею царю. Но какъ бы то ни было, мы все таки радуемся, что г-жѣ Ѳедотовой досталась роль Мелентьевой. Однообразіе исполняемыхъ ею ролей не могло не сообщить и самой игрѣ ея печать извѣстной монотонности. Еслибы она чаще могла пробовать себя въ роляхъ, подобныхъ *Василисѣ* (къ сожалѣнію ихъ не откуда взять при бѣдности нашего репертуара), она открыла бы можетъ быть въ душѣ своей новыя, ей самой невѣдомыя струны, и выработала бы наконецъ ту силу, которой теперь не достаетъ ей.

Г. Самаринъ былъ нѣсколько погрознѣе, чѣмъ въ *Опричникѣ*, гдѣ его благодушіе простиралось до того, что онъ, кажется, плакалъ передъ боярами, упрекая ихъ въ томъ, что они сдѣлали изъ него звѣря. Но одна кожа и здѣсь, при воспоминаніи о своей прежней жизни— съ первой женой своей, онъ придавъ своему монологу чрезмѣрно сладкій, сентиментальный отгѣнокъ, упустивъ изъ виду, что Грозный, даже и разстроганный чѣмъ

нибудь, все же не превращается въ чиновника изъ *Испорченной жизни*, у котораго ушла жена. Люди суровые, натуры энергическія и сильныя, даже въ минуты скорби, остаются сдержанными и сосредоточенными. Напрасно также онъ закончилъ пѣсу мелодраматическимъ хохотомъ. Не думаемъ, чтобъ это было написано въ роли. Намъ кажется также, что узнавъ объ измѣнѣ *Василисы*, онъ могъ бы нѣсколько менѣе возвышать голосъ. Грозному не зачѣмъ кричать, чтобы навести ужасъ. Кричать только слабыя и вспыльчивыя натуры, а не тѣ, отъ одного взгляда которыхъ трепещутъ миллионы людей. Трагикъ по призванію, дѣйствительно талантливый трагикъ, могъ бы въ этотъ моментъ потрясти сердца зрителей до сокровеннѣйшей глубины, не прибѣгая къ крику. Роль Грознаго была для г. Самарина тѣмъ труднѣе, что это роль не мелодраматическая, не ходульная, требовавшая большой естественности и жизненности; и потому мы все таки скажемъ ему спасибо и за такое исполненіе. Гг. Вильде и Дмитревскій отнеслись къ своимъ ролямъ съ своей обычной добросовѣстностью. Роль Колычева—хотя и одна изъ главныхъ, но по неопредѣленности этого лица довольно неблагоприятна. Особенной яркости нельзя было ей придать, еслибы артистъ и пожелалъ этого. Впрочемъ г. Вильде могъ бы показать нѣсколько больше страстности. Слѣдуетъ похвалить за полнѣйшую добросовѣстность и всѣхъ остальныхъ артистовъ. Г. Живокини въ особенности понравился намъ вѣрнымъ тономъ, который онъ взялъ, произнося свое заступничество за бояръ, что вѣроятно было для него нелегко, такъ какъ онъ привыкъ играть роли исключительно комическія и постоянно смѣшить публику. Бенефициантъ исполнилъ небольшую роль *Воротынского* съ благородствомъ и достоинствомъ, хотя въ послѣднихъ словахъ «Отдаю себя доносчикамъ»— можно бы пожелать болѣе гордости. Въ нихъ звучала слишкомъ скорбная нота.

Обставлена пѣса была крайне тщательно. Изъ новыхъ декорацій—лучшія принадлежатъ г. Исакову. Костюмы прекрасны, особенно женскіе. Не привыкнувъ къ подобной обстановкѣ, мы были столько же удивлены, сколько и порадованы, и намъ невольно вспомнилось, какъ въ *Гамлетѣ* *Офелія* возвращаетъ принцу подарки въ красной бомбоньеркѣ, и какъ на подножій клавдіева трона мечется въ глаза на красномъ сукнѣ огромное масляное пятно.

За драмой гг. Островскаго и *** шли сцены г. Владыкина *Въ деревнѣ*. Въ нихъ выводится помѣщикъ, который никакъ не можетъ примириться съ новыми порядками, но въ то же время, если найдетъ на него добрый стихъ, готовъ подарить крестьянамъ и нѣсколько десятинъ земли и лѣсную дачу,— покорись ему, да попроси хорошенько. Это тотъ же Кить Китычъ—самодуръ, только изъ дворянскаго званія. Сцены эти такъ блѣдны, вялы, растянуты, что даже игра г. Садовскаго не могла ничего изъ нихъ сдѣлать. Одинъ только «п росенокъ», за котораго помѣщикъ долженъ былъ заплатить штрафъ, очень потѣшалъ извѣстную часть публики. Каждый

разъ, какъ произносилось слово: поросенокъ, вверху раздавался хохотъ. Вѣроятно за этого-то поросенка и вызвали по окончаніи пьесы автора, который самъ участвовалъ въ ней и очень недурно сыгралъ роль мужика, впрочемъ состоявшую преимущественно только въ томъ, что онъ нѣсколько разъ на распѣвъ и въ ностъ произносить слова: къ стопамъ...

Спектакль окончился старымъ, заиграннымъ водевилемъ *Голь хитра на выдумки*, гдѣ все вертится на томъ, что одинъ господинъ заложилъ кофту одной дѣвицы, а дѣвица заложилъ фракъ господина. Забавно и мило! Поневоля вспомнишь ту личность въ гоголевскомъ *Разъездѣ*, которая рассказываетъ, какіе остроумные сюжеты бывають во французскихъ водевиляхъ: кто нибудь, говорить, залѣзетъ подъ столъ, а другой его за ногу вытаскиваетъ. Здѣсь мы кстати замѣтимъ, что пора бы нѣсколько измѣнить водевильный репертуаръ. Мы нисколько не противъ веселой шутки, но желали бы только, чтобы она была дѣйствительно веселая. Сколько есть хорошенькихъ и остроумныхъ водевилей, совсѣмъ заброшенныхъ, между тѣмъ какъ пошлости въ родѣ *Цирюльника изъ Рогожской, Взаимнаго обученія, Трудно быть слугою двухъ господъ, Блюкурой брюнетки, Вороны въ навлинскихъ перьяхъ* и подобныхъ имъ не сходятъ съ афиши. Кому онѣ могутъ доставлять удовольствіе? Въ особенности въ праздничные дни дирекція считаетъ непремѣнной обязанностью угощать ими публику, вѣроятно руководясь той мыслью, что праздничная публика, моль, не комьялотная, все переваритъ. Но мысль эта очень ошибочна. Сколько есть людей, занятыхъ въ теченіе всей недѣли, тружениковъ, желающихъ въ праздникъ, на послѣднія свои деньги, доставить эстетическое удовольствіе себѣ и своей семьѣ, и поневоля идущихъ смотрѣть эту дребедень, потому что некуда дѣваться... Театровъ всего два и выбирай одно: или *Ворону въ Навлинскихъ перьяхъ*, или *Орфея въ аду*, да актъ изъ *Гролюбоя*. Въ водевилѣ *Голь хитра на выдумки* дебютировала въ первый разъ г-жа Левина (вѣроятно для нея только и рѣшился дать г. Садовскій въ свой бенефисъ этотъ фарсъ). О ней можно сказать только то, что у ней весьма недурная наружность и что въ игрѣ ея видна нѣкоторая привычка къ сценѣ (говорять, она играла гдѣ-то на провинціальномъ театрѣ). Но ни таланта, ни особенной веселости, необходимой для водевильной актрисы, мы въ ней не замѣтили. Играла она точно такъ же, какъ играютъ и наши второстепенныя актрисы, на долю которыхъ выпадають роли разныхъ Финетъ и Флоретъ. И что за странный выборъ пьесы для дебюта? Признаемся, это не говоритъ въ пользу вкуса дебютантки. Мы, впрочемъ, весьма сожалѣемъ, что ей пришлось дебютировать въ двѣнадцатомъ часу ночи, когда половина публики уже разъѣхалась. Всѣ были утомлены. Можетъ быть въ этомъ лежитъ причина, что къ дебютанткѣ отнеслись черезъ чуръ равнодушно. Посмотримъ, что скажутъ ея послѣдующіе дебюты. А

появленіе хорошей, водевильной актрисы было бы для насъ теперь дѣломъ вовсе нелишнимъ.

А. Плещеевъ.

С М Ъ С Ъ.

Дозволена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театальной цензурою *Свадьба Фигаро*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Бомарше, пер. Барсова.

Въ оперѣ Глинки *Русланъ и Людмила*, возобновляемой въ бенефисъ г-жи Онопере, роли, какъ слышно, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Свѣтозара—г. Финюкки, Людмилы—г-жа Меншикова, Руслана—г. Радонежскій, Фарлафа—г. Демидовъ, Ратмира—г-жа Онопере, Гориславы—г-жа Турчанинова, Финна—г. Раппортъ, Баяна—г. Орловъ и Нанны—г-жа Розонова. Въ трагедіи графа Толстаго *Смерть Юанна Грознаго* роль Юанна будетъ играть г. Шумскій, а роль Годунова—г. Вильде.

Петербуржскою италіанскою оперною труппою въ концѣ нынѣшняго сезона будетъ исполнена новая опера Верди *Донъ Карлосъ*.

Сегодня утромъ въ Петербургѣ, въ залѣ купеческаго собранія, назначенъ концертъ извѣстнаго скрипача Апполинарія Контскаго, въ пользу бѣдныхъ студентовъ медико-хирургической академіи и технологическаго института. Послѣ этого концерта Контскій отправляется въ Москву, гдѣ онъ намѣренъ дать нѣсколько концертовъ, а за тѣмъ отправится въ Кіевъ.

Въ *Русскія Вѣдомости* пишутъ изъ Казани: «Въ настоящее время все вниманіе казанской публики поглощено театромъ. Успѣхъ его превосходитъ всякое вѣроятіе; мѣста можно достать не иначе, какъ заранѣе записавшись на нихъ въ кассѣ; объясняется это не столько хорошимъ исполненіемъ актеровъ, сколько тѣмъ, что благородной публикѣ по большей части некуда дѣваться по вечерамъ; ходить въ купеческій клубъ она себѣ не позволяетъ, а въ дворянскомъ клубѣ какъ-то не удался семейные вечера, о которыхъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, отложено всякое поведеніе. Такимъ образомъ казанскій импрессарио съ своимъ театромъ, который на 5 лѣтъ безвозмездно получилъ въ свое управленіе, благоденствуетъ. Для посѣтителей театра предписываются также строгія правила приличія: въ шубахъ туда никого не пускають, а между тѣмъ изъ дверей сильно дуетъ, такъ какъ ихъ постоянно держать открытыми для доставленія дароваго зрѣлища коридорнымъ блюстителемъ порядка. При перестройкѣ прежняго, очень хорошо устроеннаго театра, сдѣлана

та ошибка, что сцена расширена, отъ чего партеръ суженъ, а ложи подняты подъ небеса; резонансъ утраченъ и самый театръ болѣе похожъ на круглую залу. 31-го декабря давалась на сценѣ комедія г. Дьяченко «Семейные пороги»: одна изъ актрисъ, г-жа Александрова, въ роли княгини Вѣры Николаевны, такъ естественно передала сцену отчаянія и негодованія при полученіи неожиданнаго извѣстія о запрещеніи ей и ея мужу именоватьсѣ княжескимъ титуломъ, что въ это время въ одной изъ ложъ послышались уже настоящія истерическія рыданія настоящей княгини, кончившіяся обморокомъ. Супругъ этой настоящей княгини, съ благороднымъ негодованіемъ, оставилъ и театръ, и самый городъ, и уѣхалъ въ деревню.

Въ Москву прибылъ извѣстный дирижеръ и композиторъ М. А. Балакиревъ.

Нашъ соотечественникъ Юрій Арнольдъ, издающій въ Лейпцигѣ театральную и музыкальную газету на нѣмецкомъ языкѣ (*Die allgemeine Zeitschrift fuer Theater und Musik*), напечаталъ книжечку подъ заглавіемъ: «*Die Tonkunst in Russland bis Zur Einfuehrung des abendlaendische Musik und Notensystems*» (Тоническое искусство въ Россіи до введенія западноевропейской музыкальной и нотной системы).

Въ Прагѣ производитъ фуроръ новая опера «*Леила*», музыка К. Бендла; либретто написано г-жею Элискою Красногорскою.

Въ Парижѣ вышла изъ печати еще одна книга о Бетговенѣ, написанная дамой (*Louis von Beethoven, sa vie et ses oeuvres d'apres les plus recents documents par madame A. Audley*).

Въ Гонгъ-Конгѣ ожидаютъ изъ Италіи пріѣзда оперныхъ пѣвцовъ для тамошняго театра. Представленіе откроется оперой «*Trovatore*». Ложи и кресла такъ же дороги, какъ Парижѣ и Лондонѣ: кресло 25 фр., ложа для 6 персонъ 125 фр.

Въ газетѣ *Москвичъ* сообщаютъ, что 2-й выигрышъ въ 75000 р. по тиражу, бывшему 2-го января, достался, какъ говорятъ, извѣстной петербургской танцовщицѣ, г-жѣ Петина.

Въ одной парижской газетѣ напечатано было недавно, что жена генераль-прокурора въ Канѣ, г-жа Кремье, поступитъ на парижскую сцену и въ первый разъ будетъ дебютировать въ новой комической оперѣ, написанной Оберомъ. Говорятъ, что такому намѣренію г-жи Кремье сильно воспротивился ея мужъ, который по этому поводу завелъ было судебный процессъ, но судъ прямо объявилъ г. Кремье, что онъ не имѣетъ никакого права воспрепятствовать этому намѣренію его жены, потому что въ театральной карьерѣ нѣтъ ничего безчестнаго. Г-жа Кремье впрочемъ поступитъ на сцену подъ именемъ Монбелли.

Послѣ святой на петербургской сценѣ предполагается поставить новый балетъ, соч. Сень-Леона. Въ балетѣ этомъ будутъ участвовать всѣ первыя танцовщицы петербургскаго театра.

Въ Лейпцигѣ скончался 22 декабря прошлаго года Морицъ Гауптманъ, замѣчательный композиторъ оперъ (лучшая «*Матильда*»), свѣтскихъ и духовныхъ пѣсень, оркестровыхъ произведеній и хорошихъ теоретикъ. Главное его твореніе по теоріи музыки: *Die Natur der Gartonik und Metrik*. Онъ также очень хорошо игралъ на органѣ. Гауптманъ родился въ 1792 въ Дрезденѣ, гдѣ нѣкоторое время управлялъ оркестромъ, а съ 1814—1820 г. жилъ въ Россіи: въ Петербургѣ, Москвѣ и Плоатвѣ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Для слѣдующихъ № № нашей газеты обѣщали свои статьи: **А. Н. Островскій**, **А. Ф. Писемскій**, **Н. А. Чаевъ**, **А. Н. Плещеевъ**, **Графъ В. А. Соллогубъ**, **Князь Г. В. Кугушевъ**, **М. Е. Кублицкій**, и др. **П. М. Садовскій** также обѣщаль разсказать въ „Антрактѣ“ свою біографію.

Редакторъ **В. Родиславскій**.

Издатель **А. Пономаревъ**.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

РАЗОЧАРОВАНШІЕ,

комедія въ 1-мъ дѣйствіи, сочиненіе графа В. А. Соллогуба.

Цѣна 75 коп. сер.

Можно получать въ конторѣ типографіи при ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театрахъ, Т. Риса, у Мясницкихъ воротъ, домъ Воейкова, и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Покупающимъ 100 экземпляровъ дѣлается 25% уступки.

ВЪ МОДНОМЪ МАГАЗИНѢ

ШАРЛЬ,

на Петровкѣ, домъ Раевской,

Д Е Р О Т

de l'eau des fées de Sahra Felix, de l'huile du docteur Oldendorff

(pour la jeunesse perpetuelle des cheveux) et des meilleures cosmetiques et parfumes pour dames.

COIFFURES ET ROBES DE BAL.

2—1.

ВЪ КОНТОРѢ

КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о

на Мясницкой, противъ д. Черткова,

ПРОДАЖА и ПОКУПКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ

ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ,

ПРОДАЖА, ПОКУПКА

и ССУДЫ ПОДЪ ЗАЛОГЪ

ДОМОВЪ, ЗЕМЕЛЬ, ЛѢСОВЪ и ВЫКУПНЫХЪ ССУДЪ, по выкупнымъ предъявленнымъ сдѣлкамъ и уставнымъ грамотамъ.